

Витька долго бежал по железнодорожной насыпи. Одни камни укатывались из-под ног, а другие попадали в широкие ботинки. Он бежал, пока не услышал стук приближающихся колес, но хотя устал и дыхание было на исходе, не мог остановиться. Он услышал крик:

— Поезд! Прыгай!

Витька свалился вниз, ударился обо что-то твердое головой и уже не видел, как к нему подбежал мужчина в оранжевой безрукавке.

— Скорее! Скорее! — кричал рабочий.

Эти были последние слова, которые услышал Витя...

Очнулся он в чужой комнате. Диван был мягкий, подушка пахла чем-то свежим и приятным, в комнате было тепло, но не душно, в голове у него пронеслась вся его маленькая жизнь.

Детский приют, шлепки за игры в догонялки, за просьбу положить добавки и даже за молчание. Вспомнилось постоянное желание есть и добрые глаза старой нянечки, которая по вечерам, в свое дежурство, тайком приносила ему сахарное печенье.

Всем хотелось называть кого-то мамой. И обычно так ласково и просто называли воспитателей. А Витьке хотелось называть так нянечку, но он не посмел...

После был интернат. Серый, унылый, скучный, а порой и жестокий. Уже в нем Витя узнал о существовании отца, который отбывал срок в тюрьме, но это не произвело на него большого впечатления. Витька больше думал о матери. Она представлялась ему красивой, нежной, доброй. Но Серега, который был старше его и прошел «школу жизни» на вокзалах, сказал:

— Хорошая мать дитя не бросит.

Витьке стало обидно, он проплакал всю ночь, принимая, что в словах друга есть часть правды, и больше уже ни с кем не делился своими мечтами о матери. Но и на Серегу не обижался, ведь и не за что...

Витька был «щенок», так назывались приютские, а Серега — «батек», но он не зазнавался и не давал Витю в обиду. Пока они жили в интернате и их койки стояли рядом, жизнь казалась вполне сносной.

Однажды Витьке сказали, что приехал его отец. Он обрадовался, но не отцу, а надежде узнать что-то о матери. Отец пришел худой, изможденный, с неряшливой щетиной и наколками, принес сок и печенье. Они вышли за ограду интерната и сели на скамью из хрустящего, ломкого дерева. Отец достал сигареты и спросил Витьку: «Будешь?» Сын покачал головой. Подумав, отец закурил.

Витя даже не помнит, что тот говорил ему. Вроде про то, что вот найдет работу, купит жилье и заберет его. А Витька все думал: «Как спросить про мать?» Но отец сам сказал:

— Мать-то совсем спилась...

— Где она?

— Да под горой живет.

— Отвези меня к ней, — с блеском в глазах попросил Витька.

— Зачем? — удивился отец. — Что тебе там делать? Бутылки считать?

Но все же согласился. Всю дорогу Витя представлял себе встречу с той самой, кого сможет назвать мамой.

Вот они вошли в дом. Бутылок и правда было много. Назвать домом то, куда его привел отец, было невозможно, только трущобой или развалюхой. Выбитые окна были заткнуты грязным тряпьем.

Он приготовился увидеть ее пьяную, некрасивую, с дурным запахом, но родную. Обнять ее, прижаться и почувствовать до боли знакомое тепло. Но матери дома не оказалось.

Витька заплакал...

— Чего ревешь? — спросил отец.

И рассказал, что мать родила Витьку после того, как его посадили, в пьяном угаре. И чтобы всякая мелочь не мешала ей жить — выбросила ребенка в окошко. Его подобрала соседи и отдали в детский приют.

Витя не обиделся, не ужаснулся, ему еще больше стало жаль мать. А потом отца снова посадили... Но бедный мальчик даже и не допускал в мыслях счастливой жизни рядом с таким отцом, ведь каждое его слово казалось ему пустотой.

Витя снова вернулся в интернат, и его безрадостное существование продолжалось, но недолго. За Серегой приехал старший брат, и на тихого, немногословного Витьку обрушилась «батьковская» потеха. Ему лили воду в кровать, обзывали. А когда стали выбрасывать одежду, стало невыносимо тошно, и он решил сбежать.

Воспоминание прервала скрипнувшая дверь, вошедшая женщина увидела, что Витька открыл глаза, и обрадовалась. Потом его куда-то повезли, но он был так слаб, что даже от запаха еды тошнило и все время хотелось спать. Ему было все равно, куда ехать, только не в интернат. Хоть на свалку, хоть в ту развалюху, где жила мать, только не обратно к шлепкам, холодной воде в кровати и голоду.

Его привели к большому зданию, похожему на старинный замок. Оно было светлое, с огромными крестами на макушках золотых, сияющих куполов. Там был приятный полумрак, и пахло чем-то сладким, он сразу вспомнил нянькино печенье, звучало

красивое и успокаивающее душу пение. Витьку куда-то посадили, и он провалился то ли в сон, то ли в беспомыслие.

Очнулся он от яркого света. Чей-то громкий голос торжественно произнес:

— В начале было Слово!

Говорилось что-то еще, но Витька от слабости закрыл глаза. Он уже не спал, а думал: «Как это — слово?» И вдруг вспомнились глаза седой няни, нежные, добрые, полные любви. Он пытался вспомнить ее слова, но не мог... Да и были ли они? И вспоминая ее, думал: «Нужны ли вообще эти слова? Поучительные, строгие, ругательные, равнодушные, даже гадкие?» Ведь без всяких слов он мог чувствовать любовь к матери, которую никогда не видел. Даже к Сереге!

В начале у него была серая, голодная жизнь, слова звучащие, но ничего для него не значащие. Теперь началась другая жизнь.

Его подвели к необыкновенно одетому человеку и велели поцеловать ему руку, но Вите не хотелось. И вдруг он ощутил на своей голове эту руку. Теплую, ласкающую, и... заплакал.

— Это владыка, — сказали ему.

Витька поднял голову и увидел добрые глаза, нежно глядящие на него. И уже ничего не видя от слез, прижался к нему всем своим худым тельцем.

Потом была учеба в православной гимназии. Житье-бытье с такими же, как он, мальчишками. И был храм. Весь в золоте и росписях, похожий на сказочный корабль. И владыка с добрыми глазами. И много разных слов, но он вскоре понял, что не все они настоящие, потому что уже знал продолжение Евангелия:

«...И Слово было у Бога. И Слово было — Бог!»

г. Тобольск, Тюменская область

ОТ РЕДАКЦИИ

Но не все так просто и монументально в постижении образа России нашими классиками. Вот, к примеру, строки из знаменитого дневника Галины Кузнецовой, бунинской сподвижницы: «Как полезно перечитывать Чехова, Толстого! Мы все-таки забыли, что такое неприкрашенная Россия, а она вот какая! Уверена, что Шмелев, который разводит о ней такую патоку, если бы хоть раз вздумал

перечитать Чехова, постеснялся бы потом взяться за перо. Его потонувшая в пирогах и блинах Россия — ужасна».

Согласятся ли с такой категоричностью участники Шмелевского конкурса? А вы, дорогие читатели?

В следующем номере читайте работы старшеклассников — победителей Шмелевского конкурса.